

Уже два года как существует Рабоче-Крестьянская Красная Армия, дитя, рожденное великой революцией, окрепшее и выросшее во время самой ожесточенной борьбы русского пролетариата. Это армия классовая, армия, борющаяся за власть Советов — власть рабочих и крестьян, за диктатуру пролетариата. Красная Армия не только за эти два года создана, но в течение этих двух лет борьбы независимо от степени своей готовности и организованности вынесла на своих плечах все тяжести гражданской войны, мужественно отражая врагов Советской Республики на всех фронтах. Красная Армия научилась побеждать, Красная Армия побеждает, и близок тот час, когда ни одного врага больше не будет на территории Советской России.

Но не теперь еще время петь хвалебные песни, не теперь строить триумфальные ворота для победителей. Нет. Наша борьба еще далеко не закончена, не разбит еще враг, и мы не имеем возможности все силы страны направить на мирную творческую, созидательную работу новой Советской России. Враг еще не уничтожен. Мы должны неутомимо работать над усилением боевой мощи Красной Армии. Думать теперь, что для Красной Армии уже сделали все, думать, что Красная Армия уже достигла в смысле организации и боеспособности кульминационного пункта, было бы величайшей ошибкой с нашей стороны. Как раз в настоящий момент должно четко и резко подчеркнуть, что Красная Армия все еще находится в стадии развития и идет по пути своего усовершенствования. Недалек тот час, когда Советская Россия будет иметь первоклассную армию, построенную согласно требованиям военной науки и техники, и главное — армию классовую, армию сознательного пролетариата, которая ясно и отчетливо знает, за что она борется, какие задачи и цели преследует, что она несет пролетариату всего мира.

Это — преимущество русской Красной Армии перед армиями всего мира.

Мы стремимся к милиционной системе вооруженных сил Советской Республики. Милиционная система наших вооруженных сил несомненно сменит теперешнюю Красную Армию после того, как свершится перелом в мировых отношениях, когда будет дана возможность рабочим возвратиться к своим станкам, крестьянам к плугам. Пока это только идея, перспектива будущего. Но к осуществлению этой идеи в жизни мы уже, в частности, теперь приступили, поскольку «Всеобуч» проводит предварительную работу по всеобщему обучению

народа военному делу на местах. Но для всего этого требуется время. Теперь мы еще ведем ожесточенную борьбу с классовыми врагами, и все наши усилия направляются к созданию боеспособности Красной Армии. Она не только разобьет врагов, но под ее защитой нам будет дана возможность осуществить в действительности заветные мечты рабочего класса.

Но перед нами встает вопрос: в чем же именно должна заключаться работа по усовершенствованию Красной Армии? Чем она еще страдает по существу как армия в полном смысле этого слова? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны остановиться хоть в кратких чертах на историческом ходе вещей в деле строительства Красной Армии, на периоде ее младенчества и определить, в какой именно стадии своего развития находится она в настоящее время.

Как я уже сказал, Красная Армия — это дитя революции. Мы, коммунисты, никогда не стояли за регулярную армию, и создание таковой ничуть не входило в наши задачи. Мы вместе с царизмом безжалостно уничтожали бывшую царскую армию — тот оплот, на который опирались эксплуататоры. Мы, не боясь германского наступления, непоколебимо и твердо приступили к демобилизации старой армии, зная, что тем самым Советская власть развяжет себе руки, освободится от лишней и опасной вооруженной силы. Но в то же время мы выдвинули на арену борьбы передовые сознательные массы — фабричных рабочих в виде славной Красной Гвардии.

Эту силу мы готовили еще до Октябрьской революции, но нельзя сказать, чтобы в этом деле был какой-либо определенный выработанный план или система. Нет. Здесь главным образом помогло нам революционное чутье, мы как-то предугадали, что всю тяжесть первых дней переворота и защиту Советской власти несомненно придется вынести передовым рабочим массам Питера и Москвы. Правда, мы имели кое-какой опыт действий Красной Гвардии, красных боевых дружин революции 1905 года. Не имею под рукой фактических данных о начале формирования первых красногвардейских отрядов, но знаю, что еще при Керенском группа во главе с тов. Еремеевым в апреле 1917 г. приступила к выработке плана организации Красной Гвардии в Питере, а через пару месяцев число красногвардейцев уже достигло нескольких тысяч, причем лучшие красногвардейские отряды считались Выборгского, Нарвского и Невского районов, тех районов, где самые рабочие массы были более сознательны. От этих районов организация красногвардейских отрядов распространилась на все остальные районы Петрограда, все увеличивая свой численный состав. Правительство Керенского и Цере-

тели, которое опиралось на старую царскую армию, не могло не видеть, что в Питере созревает грозная для соглашателей враждебная сила, с которой рано или поздно придется иметь дело. Тогдашний соглашательский Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов всеми мерами старался тормозить создание Красной Гвардии и в закрытом заседании питерского Совета в июне министр Церетели в категорической форме просил Совет разоружить рабочих, убеждая, что это чрезвычайно опасно для самого коалиционного правительства. Церетели не ошибся — Красная Гвардия для коалиционного правительства была первый бунтовщик. Когда наступили знаменитые июньские дни, Красная Гвардия насчитывала в своих рядах более 10 тыс. вооруженных рабочих, которые предполагали выступить в июньских демонстрациях — быть на первом смотре.

Но этот смотр был отложен после июльских дней, когда началось повсеместное преследование; большевиков объявили контрреволюционерами, травили всеми силами и средствами; началось преследование и разгром Красной Гвардии, разоружение рабочих, обыски на фабриках и заводах и т. д. Но убить красногвардейскую организацию не могли. Ее штабы перешли в подполье и продолжали свою работу с прежней интенсивностью. Но как ни странно, все-таки та же Красная Гвардия, преследуемая коалиционным правительством, оказала последнему свою услугу в дни корниловского выступления в августе 1917 года.

В эти грозные дни тот самый Петроградский Совет, который был против вооружения рабочих, против создания Красной Гвардии, теперь, стоя на краю гибели, разрешил вооружить рабочих.

И первые красногвардейские отряды в количестве 600 человек мужчин и женщин прибыли из Шлиссельбурга, вооруженные с головы до ног, со всеми боевыми припасами. Но питерский Совет их не принял; их должен был принять штаб Красной Гвардии Выборгского района. И шлиссельбуржцы ринулись в первый бой на защиту красного Питера. Прошло с тех пор два года, и во время последнего наступления генерала Юденича на Петроград шлиссельбуржцы снова дали отряд в 600 человек на защиту Петрограда. Корниловские дни показали даже соглашателям, что за силы кроются в Красной Гвардии, и после этих дней по всему Питеру началось формирование красных рабочих батальонов. В сентябре были уже поставлены регулярные занятия с красногвардейцами на 79 фабриках и заводах. В это время с чрезвычайной энергией и самоотверженностью среди Красной Гвардии работала военная организация партии большевиков. Она знала, что

близок тот момент, когда власть Временного правительства рухнет, как карточный домик, и у власти станет сам пролетариат. Но к этому надо было готовиться. Большевики прекрасно знали, что соглашатели не уступят власть без сопротивления и что возможны кровавые столкновения. Поэтому, начиная с июня и кончая Октябрьским переворотом, большевики работали, как кроты, во флоте и среди рабочих, усиленно организуя Красную Гвардию. Чувствовался колоссальный недостаток оружия, но и здесь нашли выход. Так, например, исполком Петроградского Совета в революционном порядке приказал выдать из Сестрорецкого оружейного завода 5000 винтовок для Красной Гвардии, и его требование было точно исполнено. Когда 10 октября на секретном заседании ЦК партии большевиков был решен положительно вопрос о вооруженном восстании и создании Военно-революционного комитета для проведения в жизнь плана восстания, закипела еще усиленнее работа, и к 20 октября весь питерский гарнизон был наготове. Везде в частях были свои комиссары, ждали только сигнала к выступлению.

К этому времени Красная Гвардия в Питере насчитывала 10—15 тыс. вооруженных рабочих, готовых лечь костьми за Советскую власть. В ночь на 22 октября начались приготовления к перевороту и захвату власти.

Военно-революционный комитет объявил все распоряжения штаба Петроградского военного округа недействительными, и из Выборга и Кронштадта были вызваны моряки. В тот же день из войсковых частей, охранявших старый Центральный исполнительный комитет, была вызвана Красная Гвардия, которая заняла все посты. 14 октября Красная Гвардия и моряки сосредоточились в разных местах для занятия опорных пунктов, а 25 октября уже произошло занятие всех правительственных учреждений при помощи Красной Гвардии. При взятии Зимнего дворца, при всех боях с юнкерами самое активное участие принимала Красная Гвардия. Как только правительство Керенского пало, было отдано распоряжение выступить на позиции под Питером, где Керенский сосредоточил свои войска против восставших рабочих и солдат. И без малейшего ропота, с великим энтузиазмом потянулись на позиции сотни тысяч рабочих, и первые заняли позиции части Красной Гвардии. Керенский был разбит. После занятия Гатчины и ареста генерала Краснова красноармейские части вернулись в Питер и стали гарнизоном первой красной советской столицы.

Я нарочно остановился на исторической роли Красной Гвардии при октябрьском перевороте в Питере и хочу подчеркнуть, что Красная Гвардия в эти великие исторические

дни явилась краеугольным камнем вооруженной силы и основой будущей Красной Армии Советской Республики. Но Питер — это еще не вся Россия. Питер играл первую скрипку, давал толчок всему, но борьба началась и шла везде и всюду. В остальных местах Красная Гвардия далеко еще не была организована, даже Москва далеко отстала в этом смысле, но события развивались с такой быстротой, что вести борьбу при помощи Красной Гвардии было бы просто неумением использовать другие средства борьбы.

Но какие еще тогда были у нас средства? Старая армия? Она находилась в предсмертной агонии. Еще за год до революции, в начале 1916 г., число дезертиров из старой армии исчислялось более, чем в полмиллиона солдат. Революция же вышибла самый фундамент из-под ее ног. Старая армия потеряла свою внутреннюю, хотя бы и палочную, спайку, и началось ее разложение по существу*.

Старая армия для новой борьбы совершенно была непригодна. Серые солдатские массы, просидевшие четыре года в окопах, требовали только одного — мира, чтобы вернуться домой. Полки, стоявшие на позиции, таяли с каждым днем еще до официального приказа о демобилизации. Для всех фронтовых работников было более чем ясно, что умер на-

* Не могу не привести интересную и характерную выдержку П. Розенталя о роли Волынского полка в Февральскую революцию.

«Настало утро 27-го февраля,— пишет П. Розенталь.— Снова выстроилась учебная команда волынцев. За ночь перелом совершился. Решение назрело и было выполнено. Когда явился ненавистный ротный, он увидел мрачные лица, горящие глаза. Неожиданное громовое «ура» прорезало воздух, а младший унтер-офицер Марков крикнул: «Мы больше не будем стрелять».

Командир кинулся было к нему, но увидел, что погиб.

Марков вскинул винтовку на изготовку. Командир отбежал. Кирпичников отступил от него на шаг вправо, к рядам. Командир остался один перед фронтом. Сразу стихло. Никто не шелохнулся, только винтовки стиснули в руках. 400 пар глаз следили за нервно бегающим вдоль фронта командиром, и общее напряжение вылилось в одном диком вопле.

— Уходи, уходи, мы не хотим тебя видеть.

Точно сотни тяжелых орудий открыли сплошную пальбу, такой грохот стоял в коридоре. Командир побледнел, как-то весь съежился и быстро выбежал вон. На дворе догнала его чья-то меткая пуля.

Тимофей Кирпичников принял команду.

Если бы у нас был свой Талейран, то, узнав об этом событии, он бы сказал, взглянув на часы: «Отметьте, господа, что 27 февраля 1917 года в 9 часов 20 минут утра династия Романовых перестала царствовать в России».

Но мы, военные, разбирая по существу этот эпизод, уверенно говорим: 27 февраля 1917 года в 9 час. 20 мин. утра перестала существовать и старая царская армия. Рухнуло все то, что строилось веками — дисциплина, подчинение, порядок и т. д.

веки царский режим, а вместе с ним умерла и старая армия. И если еще эта армия продолжала формально существовать, занимать окопы, то только благодаря влиянию большевиков, благодаря тем же самым комитетам, которым верили солдаты.

Попытка правительства Керенского бросить эту разложенную армию в бой 18 июня — была не что иное, как последний, жестокий удар, усиливший разложение, которое и дошло до конца. Правы были мы, когда еще на Всероссийском съезде Советов 4 июня 1917 г. говорили гг. эсерам и меньшевикам: «Если хотите армию погубить, если хотите нанести ей смертельный удар, бросайте ее в наступление».

Мы предсказывали, так как прекрасно знали действительное состояние настроения полков, занимающих позиции, и только идиоты могли решиться гнать в наступление эту армию.

Это сделало правительство Керенского и Дана 18 июня и принесло медвежью услугу армии, а потом заявило, что, мол, большевики виноваты, они «развратили армию» своими партийными ячейками, которые завелись в полках.

Я должен констатировать факт, что самые образцовые и стойкие части, оставшиеся на позиции до самой демобилизации, были те части, где сильные партийные ячейки большевиков фактически держали их в своих руках. Но как только после первых переговоров о мире в Бресте последовал приказ о демобилизации более старых годов, никакие силы не смогли бы удержать солдат на позиции. «Война кончена — хоть мир еще и не заключен. Мы больше с немцами воевать не будем», — как один, говорили солдаты и стремились домой. Думать в эту минуту о какой-либо священной войне с этой армией значило бы обманывать самих себя.

В этом мы убедились на деле, когда начали наступление немцы. Они шли вперед без удержу, и ни одна из регулярных частей не оказывала противодействия, кроме тех небольших отрядов внутреннего фронта, которые были организованы для борьбы с поляками, гайдамаками и внутренними врагами Советской России. Я был свидетелем того, как спешно, без оглядки эвакуировались все старые штабы вплоть до штаба Западного фронта, вплоть до Ставки, бросая на произвол судьбы войска.

Кто же в этот тяжелый момент остался на позиции, кто организовал отпор немецкому наступлению? Наши революционные штабы, имевшие несколько сотен верных солдат, несколько сотен питерских красногвардейцев и матросские отряды. Здесь громадную роль сыграли молодая питерская и московская Красная Гвардия, отряды которой прибыли на

тогдашний Западный фронт. Появление простых, коренастых, кое-как одетых, но с ног до головы вооруженных и воодушевленных борьбой красногвардейцев произвело громадное впечатление и вместе с тем влияние на солдатские массы. Мужество и героизм красногвардейцев многих заставили задуматься над тем, что происходит, забыть хоть на время свои шкурные интересы и еще раз взяться за оружие. Несмотря на это, старые полки таяли, и вскоре на позиции против немцев и поляков остались одни только красногвардейцы и два старых полка с несколькими батареями (говорю о Западном фронте: о Новоладожском и Пошехонском полках, в частности о 60-м Сибирском). Новоладожский полк, прибывший с Северного фронта, был силен своей партийной организацией и оставался таковым до демобилизации (демобилизовался в конце марта 1918 года и, кажется, самым последним).

Я должен особенно подчеркнуть значение петроградской Красной Гвардии на Западном фронте. В начале января из Питера прибыл первый батальон Красной Гвардии, потом и второй батальон под командой даровитого командира-рабочего, ныне командира красного Генштаба, тов. В. Павлова, всего около 1000 человек. Оба красногвардейских батальона вошли в состав 1-го Минского революционного отряда, впоследствии 2-й армии Юго-Восточного фронта. Заняв район Мозырь—Коростень—Жлобин, красногвардейские отряды выдержали с величайшим мужеством и настойчивостью нажим польских легионеров и затем польско-немецкое наступление. Даже такие части, как 1-й Усть-Двинский латышский стрелковый полк, самовольно снимались с позиции и прибывали в Гомель.

Только после долгих переговоров удалось вернуть часть латышей, которые совместно с моряками заняли своевременно намеченную линию Гомель—Жлобин.

Красногвардейские отряды оставались на позиции, и только тогда, когда был отдан приказ об оставлении Гомеля, который обстреливался с двух сторон артиллерийским и шрапнельным огнем, в Новозыбков прибыли остатки отряда Красной Гвардии тов. Павлова. Осталось в живых только 14—20 человек. Остальные были убиты или ранены. Вокруг этих 20 человек красногвардейцев, моряков и новоладожцев снова сгруппировались новые отряды из рабочих и крестьян и вступили в бой с немцами и поляками под Оршей—Гомелем—Бахмачем—Конотопом и т. д. Не могу не отметить мужество Красной Гвардии, особенно в боях под ст. Круты и при первом взятии Киева в январе 1918 года. Но надо сказать, что, несмотря на всю доблесть и героизм Красной Гвардии, она была несостоятельна в своей организации, и мы

вынуждены были взяться за организацию регулярной Красной Армии. Красная Гвардия, как первая попытка создания армии по мобилизационной системе, сошла на время со сцены, уступив место теперешней Красной Армии. Но и на Красную Армию в начале смотрели, как на «фундамент для замены постоянной армии всенародным вооружением», а «в ближайшем будущем Красная Армия должна была послужить поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе» (декрет Совнаркома от 15 января 1918 г.).

Тот же декрет указывает, на каких основаниях организуется новая армия, подчеркивает ее классовый характер. Мало того, в начале были приняты еще такие предосторожности, как рекомендация коммунистов, партийных и общественных организаций, даже круговая порука для лиц, желающих вступить в ряды Красной Армии. Восьмой съезд РКП в марте 1919 г. это еще раз более подробно подчеркнул: «В эпоху разложения империализма и разрастающейся гражданской войны невозможно ни сохранение старой армии, ни построение новой на так называемой внеклассовой или общенациональной основе. Красная Армия, как орудие пролетарской диктатуры, должна по необходимости иметь открыто-классовый характер, т. е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию».

Значит, Красная Армия основана на вооружении пролетариата и деревенской бедноты и разоружении буржуазии.

Вот основные принципы существования регулярной армии при власти пролетариата. Создания регулярной миллионной армии при всех условиях, в каких мы находились два года тому назад, еще не знает история. В этом отношении Советская Россия показала всему миру, какие огромные силы кроются в пролетариате. Для создания в дни ожесточенной борьбы правильно организованной, боеспособной армии требовалось:

- 1) непоколебимая воля и настойчивость руководителей нашей военной политики,
- 2) строго выдержанная система,
- 3) умение учесть условия и использовать все средства,
- 4) дальновидность при организации военной силы.

Двухлетняя практика показала, что наша военная политика выдержала блестящим образом свой экзамен, и это вынуждены признать наши противники.

Рассматривая этапы развития Красной Армии, мы должны, во-первых, учесть тяжелые условия, при которых она

строилась; в первое время мы абсолютно не имели своего военного аппарата, который мог бы планомерно приступить к организационной работе. Старые военные аппараты, как Ставка, Особое совещание по обороне, Военный совет, Главный штаб и Генеральный штаб, для этой работы абсолютно были непригодны. Октябрьская революция со своими лозунгами, идеями и борьбой выбила их из колеи. Официальное распоряжение об их упразднении только поставило могильный камень на могилы. Декретом от 15 января 1918 г. о создании Красной Армии была утверждена Особая Всероссийская коллегия, единственный вспомогательный орган Народному комиссариату по военным делам в деле создания Красной Армии. Но это все только была первая подготовка нового аппарата, который должен был не только там оформиться, но и давать руководящие указания. События чередовались столь быстро, что на местах не могли ждать указаний центра, надо было действовать, кто как умел и понимал, так как германцы и поляки почти по всему Западному и Северному фронтам повели наступление, угрожая самому Петрограду.

Военно-революционный комитет Ставки, потом Цекодарф* со своим полевым штабом работали, пока армия еще сидела на старых позициях; но как только началось немецкое наступление, они потеряли всякую связь с фронтом и войсковыми единицами. Глубоко неправы те, которые говорят, что старые штабы фронтов руководили операциями против немцев; может быть, штаб Северного фронта, но штаб Западного фронта, вылетев в Смоленск, остался без войск, ему подчиненных, и начал приказывать частям и отрядам, выдвинутым на борьбу с поляками, Петлюрой и Калединым (Орша—Жлобин—Коростень—Бахмач и далее в районе Украины), находившимся под командованием тов. Антонова и непосредственно подчиненным полевому штабу Ставки, где в то время работали гг. Тер-Арутюнянц, Турчан, Вацетис (бывший главком) и другие.

Мне в то время тов. Крыленко было приказано командовать всеми силами, оперирующими против польских легионов, но штаб Западного фронта с этим мириться не мог и дошел до того, что приказал арестовать начальника оршанской группы войск тов. Ефимова за неподчинение ему. Дело дошло до Наркомвоена, полевой штаб Ставки добился освобождения тов. Ефимова, и руководство в районе Западного фронта осталось за полевым штабом Ставки до создания Западной завесы. После эвакуации полевого штаба Ставки из Могилева в Москву руководство в районе Орша—Бахмач—

* Центральный комитет действующей армии и флота.—*Ред.*

Конотоп—Путивль—Льгов было поручено полевым штабом Ставки мне, и штаб Западного фронта по борьбе с контрреволюцией перешел в Брянск, где в то время работал тов. Вацетис, организуя Военно-революционный комитет. Отсюда пришлось руководить всеми операциями в названном районе вплоть до заключения мира с немцами. Все время имели связь с главнокомандующим всеми силами Украины, к которому потом перешла 3-я армия в районе Путивль—Льгов. Никакого другого оперативного центра до образования Высшего военного совета (4 марта 1918 года) мы не имели и никаких указаний получить не могли. Под влиянием немецкого наступления части старой армии бросали позиции, эвакуировались в тыл, по дороге продавая все казенное имущество, лошадей, пулеметы, винтовки и деля полковые суммы между собой. Приходилось организовывать оборону и в то же время разоружать дезорганизованные части старой армии, эвакуировать колоссальные склады Западного фронта в Гомеле. Приведу некоторые цифры: из Гомеля было отправлено в Петроград 300 тыс. винтовок и 200 пулеметов, а в Москву — 267 тыс. винтовок, 187 пулеметов; вывезено 3 миллиона коробок консервов. Эвакуированы из Режицы артиллерийские склады. На Крюковском заводе находилось 25 миллионов пудов сахару, но не было денег, чтобы уплатить рабочим за работу, не было подвижного состава, чтобы вывезти, и сахар пришлось оставить.

Грузили все под охраной, даже на горячих паровозах пришлось держать часовых, так как бригады разбегались. Гомельский Совет эвакуировался за две недели до сдачи Гомеля в Самару, сдав письменно власть городской думе. Буржуазия с ликованием ждала немцев вместе с русским офицерством и по взятии немцами города осыпала их цветами и устраивала вместе с ними расправу над советскими и партийными работниками. Вот в какой атмосфере пришлось работать по организации отрядов — будущей основы полков, дивизий регулярной армии. Количество людей в отрядах достигало от 200 до 600 человек. Основой для отрядов были положены группы красногвардейцев, моряков и добровольцев по рекомендации комитетов. Работали все не покладая рук, и как только отряд был более или менее оформлен, снабжен всем необходимым, его немедленно отправляли на позиции, где объединяли, сколачивали, давали названия полкам, батареям и эскадронам. Но были и курьезы. В Новозыбкове был сформирован из старых солдат отряд в 700 человек, которому было приказано отправиться на позиции под Добрушем, где шли бои с немцами.

Отряд спокойно погрузился в поданный состав, но при-

бывшая в это время с позиции санитарная летучка с ранеными повлияла на настроение отряда, так как солдаты узнали о потерях, понесенных в последних боях. Среди отряда началось брожение, что наконец выразилось в открытом отказе отправиться на позиции. Мы с командующим 1-й армией тов. Степановым и еще несколькими товарищами отправились к отряду разъяснить тяжелое положение на позициях и необходимость немедленно отправиться. После кратких речей отряд вынес резолюцию: «Исполнить приказ». Но не успели мы прийти на станцию, как в комнату телеграфа хлынула вооруженная, враждебно настроенная толпа — человек 150 — и, угрожая оружием, потребовала отправить весь эшелон в Брянск, причем к паровозу были приставлены часовые, чтобы не отправить эшелон на позиции. Для меня было ясно, что вступить еще раз в переговоры с этой вооруженной толпой значило показать колебание и вызвать кровавые стычки. Не обращая никакого внимания на толпу, я позвал адъютанта и твердо приказал: позовите мне командира бронепоезда имени Ленина тов. Голинского и начальника отряда.

Через несколько минут явились оба.

— Что прикажете?

— Поставьте бронепоезд на первом пути против эшелона, стоящего на пятом пути; приказываю открыть пулеметные люки, пулеметчики на местах. Если через 15 минут эшелон не отправится на позиции, приказываю открыть по эшелону пулеметный огонь из бронепоезда.

— Слушаюсь.

— Командир отряда, вы слышали приказ? Вам даю десять минут сроку. Вы лично головой отвечаете за отправку отряда и за занятие указанных в приказе позиций. Поняли?

— Так точно.

— Теперь шесть часов десять минут. Можете идти.

— Слушаюсь. Будет исполнено.

Сделав по-офицерски поворот, оба командира вышли. Это подействовало. Через несколько минут раздались тревожные гудки бронепоезда, ставшего на указанном пути. Моментажно куда-то исчезла вся героическая толпа, так грозно требовавшая отправки в Брянск, и ровно через пятнадцать минут эшелон вышел на позиции. Из эшелона дезертировало человек 150, которые остались на станции и отправились в город грабить. Их разоружили и посадили в тюрьму новолодожцы, а через два дня все дезертиры сами попросились отправить их на позиции, дав обещание драться, что честно и исполнили.

После занятия немцами Могилева и Жлобина одна группа во главе с тов. Григорьевым, ныне начальником

дивизии, отступала по шоссе на Мстиславль, другая из Рогачева на Чернигов. Штаб группы прибыл в Рославль. Кадры групп были надежные и имели до 2500 человек. Я отдал приказ назвать группу 2-й армией и занять фронт от Горки (50 верст юго-восточнее Орши) — Чаусы — Чериков до Чечерска (50 верст севернее Гомеля) включительно, т. е. 150 верст по фронту. 1-я армия во главе с тов. Степановым (потом командовал полковник Здарновский) — штаб в Новозыбкове — занимала фронт от Чечерска — Добруш — Буда — Сновская — Сосницы — река Сена — 200 верст. Далее 3-я армия: Королевец — Конотоп — Белополье (штаб — хутор Михайловский). До этого, еще в районе ст. Круты, немцам дали бой отступающие из Киева части чехословацкого корпуса, но после первого же боя чехи самовольно снялись с позиции, обнажили фронт и с песнями уехали в глубь России. Те самые чехословаки, которые в мае восстали против Советской власти, якобы желая драться с немцами; но когда представилась эта возможность, они позорно удрали.

На этом 800-верстном протяжении по фронту действовали отряды, всего около 6 тыс. человек, несколько батарей, один бронепоезд и несколько броневиков. Отряды не были сначала связаны между собой, но этого мы скоро добились. С главными группами и морским отрядом была установлена телеграфная связь. Отряды заняли определенные пункты по фронту, пополняя сами себя добровольцами.

Отношение деревенских жителей было для нас самым благоприятным. Деревенская беднота прекрасно понимала или, лучше сказать, чуяла, что несет им германский империализм. И целые деревни сами добровольно вооружались для борьбы с немцами. Даже в занятых немцами районах продолжали существовать нелегальные Советы. Новый гомельский Совет, эвакуированный из Гомеля, продолжал работу в ближайших уездах. Мы это настроение учли и использовали для организации отрядов. Из Брянска, Рославля и Новозыбкова в район фронтовой полосы были двинуты все лучшие имеющиеся в нашем распоряжении партийные и политические силы группами по 5—6 человек. Этим группам было придано несколько бывших офицеров или унтер-офицеров и несколько товарищей из военных, могущих занять высшие командные должности. Каждая группа снабжалась небольшими суммами денег, 300—400 винтовками, патронами и седлами. Погрузив все на крестьянскую подводку, группы отправлялись в путь. Всем начальникам групп были даны подробные указания, как держать себя, куда посылать сведения о ходе работы. Такая постановка дела дала блестящие результаты при тогдашних условиях; вооружение деревенской бедноты

можно назвать приемом своеобразным, но другого элемента в этом районе мы не имели. Рабочие немногих заводов, как то: клинцовские, шостенские и бежицкие находились в лапах меньшевиков и до последней минуты были враждебно настроены. Но это не пугало фронтовых работников. При таком способе работы быстро удалось создать определенный фронт при условии усиления известным количеством штыков и сабель.

Нельзя не отметить те колоссальные услуги Москвы, которые она оказала в эти тяжелые для фронта дни. Командующий войсками Московского военного округа очень чутко относился к тогдашнему Западному фронту. Я не знал его лично, даже никогда его не видал, но знал, что во главе войск Москвы стоит наш товарищ, и в силу крайней необходимости я установил с ним сначала связь чисто информационного характера, которая потом стала регулярной, и оперативный отдел Московского военного округа, потом перешедший в ведение Высшего военного совета, одно время был для нас руководящим оперативным органом. И надо сказать, что почти все мои просьбы были исполнены. В критические минуты Западный фронт от штаба МВО всегда получал поддержку. Не один хороший отряд был прислан из Москвы, вокруг которых, как и вокруг первых питерских красногвардейцев, группировались деревенские добровольцы. На фронте зрела наша новая военная сила.

Московская Красная Гвардия далеко еще не была организована в дни Октябрьского переворота, но зато Москва в дни немецкого наступления дала на фронт свои лучшие силы и спасла прифронтовой район от немецкого вторжения. При помощи московских сил нам удалось на Западном фронте и Украине организовать опору, и все главные узлы и города немцы вынуждены были брать с боем. В этом и заключается заслуга московского пролетариата.

С созданием Высшего военного совета многое в оперативном отношении упорядочилось. Хотя и Высший военный совет грозно критиковал наши оперативные действия на фронте, указав, что мы не знаем даже азбуки стратегии и тактики, но это простительно, так как сам Совет только что сформировался и совершенно не знал тех сил и условий, в которых нам пришлось работать на фронте. Мы не растерялись, мы вступили в бой с регулярными частями немцев и польскими легионами, не считая, сколько сил у нас и у них, а спрашивая, где они и каким образом препятствовать их продвижению вперед. Это мы могли сделать потому, что не были старыми чиновниками, рутинерами, для которых все требовалось по закону, по форме, по всем правилам военной науки, по

всем правилам тактики и стратегии; мы были революционерами, знающими, что время не терпит, что события слишком грозны, что надо уметь работать имеющимися силами и средствами, веря и зная, что новые законы и формы выкует сама жизнь.

Этот период создания вооруженной силы можно назвать первой ступенью развития добровольчества и отрядной системы Красной Армии, но далеко нельзя назвать периодом партизанщины. Как я уже сказал, на местах тоже формировались и вербовались солдаты для отрядов и отрядиков, но на фронте их сразу начали сливать в определенные боевые единицы со строгим подразделением на роты, полки и дивизии, и когда вступили в силу так называемые завесы обороны, то почти на всем Западном фронте были уже более или менее определенные и оформленные войсковые единицы. Кстати, должен указать, что глубоко неправы те, которые говорят, что в этот период как будто к нашей борьбе на фронте не привлекались офицеры старой царской армии. Я как раз, наоборот, подтверждаю, что они принимали самое деятельное участие с первых же дней переворота. Так, 2-й армией Западного фронта командовал первое время партийный товарищ Степанов, а начальником штаба его был полковник Здарновский, который потом стал командующим, а начальником штаба генерал Шерпантье. У меня начальником штаба одно время был штабс-капитан Андреев, потом полковник Волобуев, а во всем штабе фронта работало 56 строевых офицеров, так как штабные офицеры сидели в старом штабе фронта, сперва в Смоленске, а потом в Ржеве и именно занимались бумажной тактикой и стратегией, может быть и другими делами; я точно о их деятельности не знаю. Почти во всех частях на фронте во главе стояли бывшие офицеры и унтер-офицеры. И должен сказать, что за весь этот период не было ни одного случая измены со стороны офицерства; наоборот, имеются следующие интересные факты, свидетельствующие о добросовестности бывших офицеров, принявших участие с самого начала в нашей работе: незадолго до заключения мира с немцами полковник Здарновский просил у меня разрешения отправиться к своей жене в Ригу, обещая вернуться. Это разрешение я дал, как равно и указания о сборе необходимых сведений о силах и действиях немцев. Приблизительно в начале мая полковник Здарновский вернулся и привез очень ценные военные данные. Он снова поступил на службу, сам сформировал полк, сам еще в июне командовал полком на украинском фронте. Другой характерный пример: поручик 10-го полка Малий, который, заболев чахоткой, уехал в Крым, попал в руки белых, вырвался оттуда и снова продолжает

служить в Красной Армии. Почти все офицеры тогдашнего периода, работавшие у меня, еще и в данный момент честно служат и занимают более или менее ответственные посты в Красной Армии; многие из них пали, как герои, на полях брани.

Но несмотря на все это, я еще вначале твердил, что при отрядной системе, когда нет армии как таковой, нельзя поручить всю работу только офицерству, а необходимо, чтобы во главе стояли партийные товарищи. Тогда старым офицерам несравненно легче работать и привыкать к новым условиям гражданской войны. Но как только мы дело будем иметь с регулярной армией, офицерство будет на своих местах под тем или иным контролем и по существу это так и есть. Что же было делать старому строевому офицеру, когда на местах еще никаких военно-административных аппаратов не существовало? Кое-где были неоформленные военные отделы при Советах, сами не знающие своих функций и обязанностей, и нам пришлось и воевать, и формировать, и мобилизовать, быть оператором, администратором, организатором, оратором и судьей — работать и без положений и инструкций. Все это далеко было не по плечу старому офицеру, на которого еще в то время смотрели, как на заядлого контрреволюционера — и не без достаточных на то оснований.

Создание завес обороны со специалистом военруком и двумя политическими комиссарами во главе было попыткой, и притом удачной, разрешения этого вопроса. Этим было положено начало теперешнему институту военных комиссаров. Комиссары не являлись в армии новостью, они были при штабах армий и фронтов еще при правительстве Керенского, но тогда они далеко не имели того значения, какое мы придали теперь. Тогда на правительственного комиссара солдаты смотрели, как на врага, а теперь он стал защитником интересов трудящихся и другом солдат; тогда комиссары были для защиты контрреволюции, теперь для борьбы с контрреволюцией... После создания этой исторической тройки — военрука и двух комиссаров в завесах на фронте, 8 апреля последовал декрет об организации по этому же образцу волостных, уездных и губернских комиссариатов по военным делам с упразднением военных отделов при совдепах, с подчинением военных комиссариатов в иерархическом порядке одному руководящему центру — Народному комиссариату по военным делам. Эта мера в нашем военном деле была столь существенна, что ее можно считать основой работы по созданию Красной Армии, мерой, положившей предел добровольчеству и отрядной системе. Вполне понятно, что без работы военно-административных органов на местах мы не могли бы произвести учета лю-

дей, лошадей и разного военного имущества, не могли бы производить необходимые при дальнейшем развитии Красной Армии мобилизации, формирование новых боевых организаций и давать необходимые пополнения для действующих частей; не могли бы наладить наш военно-хозяйственный аппарат. Но эта мера появилась сравнительно поздно, почти четыре месяца спустя после опубликования декрета о создании Красной Армии.

Брестский мир, продиктованный нам империалистами, был подписан без его пересмотра и получена «передышка». Но для всех было ясно, что мира не будет и быть не может и что мы должны всецело использовать эту «передышку» для создания Красной Армии, направить всю нашу энергию на организационную и созидательную работу. На очереди дня в военном деле стал вопрос об организации управления новой армией. Замечательно ясно и определенно подчеркнул эту задачу товарищ Ленин. Он говорит:

«На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента, третья задача — организовать *управление* Россией. Разумеется, эта задача ставилась и решалась нами на другой же день после 25 октября 1917 года, но до сих пор, пока сопротивление эксплуататоров принимало еще форму открытой гражданской войны, до сих пор задача управления *не могла стать главной, центральной*.

Теперь она стала таковой. Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*. И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять *особенности перехода* от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче *управления*.

Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить, в главных чертах, дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела *подойти вплотную* к задаче *управления*. Надо, чтобы мы оказались достойными исполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо *подумать*, что для успешного управления необходимо, *кроме* умения убедить, умения победить в гражданской войне, умение *практически организовать*. Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это — самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой»*.

Это товарищ Ленин говорил в общегосударственном масштабе, но все это по существу относилось и к нашему военному делу. Подавить, разрушить — задача тяжелая, но еще тяжелее задача — организовать на обломках старого новые жизнеспособные аппараты. В военном деле к этой работе

* В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 214. — *Ред.*

были призваны все декретом о создании военных комиссариатов. Но надо сказать, что на местах далеко не учли всю важность и спешность проведения в жизнь этого декрета и продолжали жить по-своему, смотря на вещи со своей местной колокольни. Это особенно замечалось в более отдаленных от центра местностях, особенно на Урале и в Сибири. Поэтому ЦИК отдает следующее циркулярное распоряжение:

**«Всем Губернским, Уездным и Волостным Советам Рабочих,
Крестьянских и Казачьих Депутатов**

Центральный Исполнительный Комитет предписал Народному Комисариату по Военным Делах приложить все силы к созданию крепкой, строго организованной и внутренне сплоченной Красной Армии, способной отстоять Советскую Республику от внешних и внутренних врагов. Создание вооруженной силы требует в качестве первого условия наличия хорошего налаженного аппарата военного управления на местах. Декретом 8-го апреля центральная Советская власть предписала всем губернским, уездным и волостным советам создать на местах губернские, уездные и волостные комиссариаты по военным делам в составе трех членов при обязательном участии одного военного специалиста. Между тем до настоящего времени большинство советов не провело в жизнь указанного декрета. Во многих местах существуют бесформенные военные отделы, до сих пор не введенные в рамки военных комиссариатов. Немало и таких мест, где задачи местного военного управления не выведены из советских органов общего управления.

При этих условиях работа над формированием Красной Армии по единому плану абсолютно невыполнима. Настоящим распоряжением вменяется в обязанность председателям местных советов и председателям местных военных отделов, где таковые имеются, провести в жизнь в недельный срок, считая с момента получения настоящей телеграммы, декрет 8-го апреля об организации местных военных комиссариатов. Всякое промедление будет рассматриваться как прямое неисполнение декрета Советской власти, и непосредственная ответственность за такое неисполнение возлагается на председателей ответственных губернских, уездных и волостных советов.

Все ежедневные органы печати на территории всей Российской Советской Республики обязуются в трех последовательных номерах на первой странице напечатать настоящее предписание. Председатель ЦИК Я. Свердлов, Председатель СНК Ульянов (Ленин)».

В предписании именно подчеркивается, что при условии невыделения военных комиссариатов и отделов — органов местного военного управления — *абсолютно невыполнима работа формирования Красной Армии по единому плану.*

Предписание дает недельный срок, под личную ответственность председателей Советов, создать военные комиссариаты. Такая спешность вполне понятна. На востоке оперируют банды Семенова и Дутова, в мае мы должны иметь дело с восставшим чехословацким корпусом (40—47 тыс.), а между тем, чтобы сразу расправиться с этим восстанием, мы далеко не были в военном отношении подготовлены, не имели

достаточно организованных сил; и пришлось вести борьбу с чехословаками и организовывать Красную Армию одновременно. Но одно надо сказать, что чехословацкое выступление и дальнейшее наступление на Советскую Россию сделало колоссальный сдвиг в смысле организации Красной Армии. Развита была невероятная работа и достигнуты колоссальные результаты.

Восточный фронт фактически является первым нашим фронтом, где в первую очередь военная организация была поставлена на должную высоту, построена по требованиям военной науки.

Чехословацкий мятеж ускорил первый этап развития нашей Красной Армии, и мы, следуя требованиям жизни, отказались от добровольчества и перешли к принудительной системе комплектования армии — к мобилизации.

Как я уже говорил выше, назначение Муравьева главным командующим являлось для многих фронтовых работников неожиданным и непонятным, но революция полна неожиданностей, борьба диктовала свое, а потому опасения скоро ступевались, оставив сомнения только в глубине души, которые однако усиливались рассказами о жизни штаба Восточного фронта. Арест начальника контрразведки фронта Файермана и его агентов заставил еще более насторожиться и отнестись к новым распоряжениям и назначениям с большой осторожностью.

Первое, что бросалось в глаза, это установление чрезвычайно высоких окладов сотрудникам полевого управления, в три раза превышавших оклады в армиях и округах. Далее, барская жизнь и разгулы производили на побывавших в штабе фронта армейских товарищей угнетающее впечатление, не говоря уже о впечатлении, оставляемом сотрудниками штаба фронта. Помню, как приехавший из Казани товарищ с горькой усмешкой говорил: «Так можно скоро и армию и государство прокомандовать. Все, что я там видел, напомнило мне русские штабы во время японской войны с громадными штабами сестер и коров».

Однако, все эти толки и мнения были скоро забыты. Низы лучше думают о верхах, чем они есть на самом деле. Картина всегда издали кажется лучше, чем она бывает фактически.

Но события оправдали сомнения. 6 июля, после того как 5-м Всероссийским съездом была отвергнута левоэсеровская позиция, левые эсеры начали действовать. Сигналом восстания послужило убийство Мирбаха и арест членов ВЧК Дзержинского, Лациса и председателя Московского Совета Смидовича. Левые эсеры пытались захватить власть в руки, рассылая од-

новременно телеграммы, что большевики «свергнуты». Все телеграммы были задержаны, на телеграфе и радио установлен строжайший контроль и приняты все меры, чтобы происшедшее не проникло в армию и не ослабило борьбу с чехами. Уральские левые эсеры не проявили активности и не сочувствовали московским авантюристам.

Штаб Восточного фронта тоже отозвался на московские события, и 9 июля 1918 г. из Казани была получена телеграмма Муравьева, объявленная в приказе № 34 по Северо-урало-сибирскому фронту. Привожу целиком § 5 приказа:

«Объявляется для сведения копия телеграммы Главнокомандующего Муравьева от 9 июля с. г. за № 398. Объявите войскам наших армий, что пусть они не обращают внимания на события, которые произошли в Москве. Всем приказываю, начиная от командира и кончая рядовыми солдатами-революционерами, независимо от политических убеждений продолжать беспощадную борьбу с чехословацким контрреволюционным движением, закрепляя власть Советов, и тем исполните свой революционный долг перед рабочим и крестьянским правительством, которое возложило на всех нас ответственную задачу окончательно восстановить торжество революции и Советской власти и раз навсегда покончить со всеми авантюристическими выступлениями, которые заранее обречены на гибель и будут беспощадно уничтожаться. Вперед, уже победа близка, и мы снова водрузим наше знамя на костях наших врагов!»

По войскам Северо-урало-сибирского фронта (3-й армии) отдается 8 июля следующий приказ:

«Враг у ворот. Империалисты железным кольцом окружают отечество мировой революции — Советскую Республику. На помощь наемникам иностранного капитала встает черная сотня, агенты помещиков и капиталистов, реакционное офицерство и все темные силы старого мира. В этот тяжелый ответственный для истинных революционеров момент столкновения между советскими фракциями, несущими ответственное бремя революционной работы, которые могут вылиться в форму вооруженной схватки, будет на радость буржуазии и врагов наших и на погибель рабочим и крестьянам и отвлечет вооруженные советские силы от прямой боевой задачи — борьбы с чехословаками, белогвардейцами и черносотенными бандами на фронте.

Штаб фронта категорически заявляет, что никаких вооруженных столкновений между советскими фракциями, стоящими на защите рабоче-крестьянской революции, он не допустит, как и не допустит никаких попыток к нарушению революционного порядка в тылу всех тех войск разных партий, которые одинаково проливают кровь в отчаянной борьбе с врагом Советской власти.

Все рабочие, все трудовое крестьянство должно объединиться вокруг знамени социальной революции, которой угрожает смертельная опасность. Мы уверены, что каждый воин, как на фронте, так и в тылу, исполнит до конца свой великий долг — защиту Российской Федеративной Республики. И горе тому, кто осмелится нарушить установленный военный порядок на фронте и в тылу.

Смелей вперед, в бой с врагом!»

11 июля получены две телеграммы об измене Муравьева. Приведу здесь приказ № 45, где они были объявлены:

«Объявляю войскам Северо-урало-сибирского фронта две телеграммы об измене бывшего главнокомандующего Восточным фронтом Муравьева:

«Всем, всем, всем. Москва. 11 июля 6 часов. Бывший главнокомандующий против чехословаков левый социалист-революционер Муравьев подкуплен англо-французским империализмом. Муравьев сбежал из штаба Революционного военного совета в Симбирск и отдал всем войскам приказ повернуть против немцев, которые будто бы взяли Оршу и наступают на нас. А приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно раскрыта Революционным советом и все войска, действующие против чехословаков, верны Советской власти»

Сим объявляется по войскам, по Советам и всем гражданам Советской Республики: 1) немцы нигде на нас не наступают, а на немецком фронте все спокойно, 2) всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте, 3) бывший главнокомандующий на чехословацком фронте левый эсер М. Муравьев объявляется изменником и врагом народа, всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте, 4) все приказы по войскам, действующим против чехословаков, будут впредь до нового распоряжения подписываться Мехоношиным и Благоднаровым. Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов-Ленин...»

«Всем, всем, всем. Главнокомандующий армией, воюющей против чехословаков, Муравьев прибыл в Симбирск, оцепив Совет, объявил о своем объявлении войны Германии, потребовал поддержки Совдепа. Совдеп, ознакомившись с действиями Муравьева, распорядившегося снять войска и двинуть на Вятку, Саратов, Балашов, даже Москву через Пензу, единодушно отказал ему в поддержке, после чего Муравьев тут же застрелился*, все его войска по приказанию командарма Тухачевского, командвойск Иванова возвращены на прежние места для продолжения наступления на прежние позиции чехословацких банд. Войска, охранявшие Муравьева, беспрекословно подчинились Совету, сознав особое свое заблуждение, кровопролития не было. Наступило успокоение. Работают единодушно коммунисты с левыми эсерами, не принимавшими участия в авантюре Муравьева».

Доблестные войска Северо-урало-сибирского фронта! Совершена черная тяжелая измена Российской Советской Федеративной Республике.

Помните, что и бывший Верховный главнокомандующий генерал Корнилов тоже изменил Великой Русской Революции, и в то время, когда немцы повели наступление на Ригу и Петроград, Корнилов направил контрреволюционные войска на Красный Петроград — колыбель Русской Революции.

Это сделал царский генерал — вождь контрреволюционных сил. Но бывший главнокомандующий Муравьев, который любил говорить, что он

* На самом деле Муравьев не застрелился, а был убит в затеянной им перестрелке во время его ареста в перерыве заседания Симбирского губисполкома. Обстоятельства его убийства освещены И. М. Варейкисом, являвшимся тогда председателем Симбирского губкома РКП(б) и заместителем председателя губисполкома, в воспоминаниях «Убийство Муравьева» (сб. «1918 год на родине Ленина». Куйбышевское издательство, 1936, стр. 163—169), а также в статье Б. Н. Чистова и Н. П. Зверева «Подвиг коммунистов» (сб. «Незабываемое». Воспоминания. М., Воениздат, 1961, стр. 24—66). — *Ред.*

партийный человек — левый социалист-революционер, облеченный полною властью Советом Народных Комиссаров, совершил двойную измену: как Главнокомандующий советскими войсками, в руках которого было доверено столько жизней рабочих и крестьян; как революционер, нарушивший верность Российской Советской Республике и оказавший поддержку англо-французским империалистам, белогвардейцам и всем врагам Советской Республики, открывая фронт для врагов.

Советские войска Восточного фронта остались верны своему революционному долгу, не снялись с позиций и продолжали сражаться с врагом. Муравьев, видя, что все кончено, кончена его авантюра, сам приговорил себя к смертной казни за тяжелое преступление перед пролетариатом. Он застрелился в присутствии исполнительного комитета Симбирского Совдепа, на глазах своих солдат. Товарищи солдаты, комиссары и начальники войск Северо-урало-сибирского фронта! Мы переживаем трудные минуты в борьбе с ненавистными врагами Советской Республики. Боевая жизнь крепко нас спаяла в железные ряды. Войска Северо-урало-сибирского фронта до сих пор честно с великим героизмом исполняли свой священный долг перед рабоче-крестьянским правительством Советской Федеративной Республики.

Дайте клятву под красными знаменами, что вы и в будущем будете непоколебимы и стойки в тяжелой борьбе со всеми врагами Советской Республики и до конца исполните свой долг. Заявляю, что я железной рукой буду карать тех, кто думает посягнуть на Рабоче-Крестьянское Правительство Советской Федеративной Республики.

Единый революционный фронт! Беспощадная борьба с чехословаками, белогвардейцами и всеми, кто поднимет меч восстания против власти рабочих и крестьян.

Всякие авантюры будут преследоваться беспощадно. Приказ передавать телеграфно и прочесть во всех полках, ротах, командах, батареях и эскадронах».

13-го июля Аралов передал следующую телеграмму за № 02008:

«Декретом Совнаркома генштаба * тов. Вацетис назначен главнокомандующим фронтом, тов. Данишевский назначен членом Революционного военного совета. До приезда тов. Вацетиса командование сохраняется в таком виде, как оно установлено тов. Мехоношиным».

Не стану разбираться в этих исторических днях штаба Восточного фронта, скажу только, что все произошло так быстро и неожиданно, что никто не успел опомниться и разобраться в событиях. Но происшедшее в Казани оставило у низших штабов угнетающее впечатление. Всем казалось, что хотя Муравьев сошел со сцены, но состав штаба остался старым.

Нового главкома Вацетиса знали по старой войне; кроме того, он с первых дней принимал деятельное участие в утверждении Советской власти, работая с начала гражданской вой-

* С упразднением чинов (воинских званий), присваивавшихся в старой армии, в Красной Армии сохранялось однако обозначение принадлежности военных специалистов к Генеральному штабу. Отсюда — сочетания, как «Генштаба Вацетис», «Генерального штаба Майгур» (см. стр. 126).—
Ред.

ны в полевом штабе Ставки, а потом стал начальником Латышской дивизии и принимал активное участие в подавлении левоэсеровского мятежа в Москве, чем на деле доказал свою преданность Советской власти.

Но штаб был по-прежнему в сфере подозрения.

Я не видел штаба при Муравьеве, но видел его через несколько дней по приезде в Казань Вацетиса. Я нарочно поинтересовался штабом фронта, ознакомился с работой всех его отделов; в заключение мог вынести только одно: людей много, но толку от них мало. В штабе шла не работа, а потеха. О благонадежности нечего было и говорить. Я тогда же сказал Вацетису:

— У вас штаб черный, как смола, а сидят в нем белогвардейцы или неспособные люди. Далеко с таким штабом не уйдете.

— К сожалению,— ответил Вацетис,— но штаб сформирован не мной, а я не успел еще произвести основательную чистку. Да и работников у меня нет. Дайте мне их.

Главнокомандующий был прав. С таким штабом нельзя было поставить дело управления молодой Красной Армией на должную высоту.

Вацетис взял приехавших со мной из Екатеринбурга двух бывших офицеров генштаба тт. Майгура и Артынова, причем первый сразу занял пост начальника штаба. Нашим партийным товарищам штабная служба в то время была чужда и далека, они не могли вникнуть в ее тайники, так что нет ничего удивительного, если тот же самый казанский штаб при сдаче города открыл винтовочный и пулеметный огонь по своему же главнокомандующему, дравшемуся, в силу создавшихся условий, во главе латышских стрелков на улицах Казани.

Не удивительно, что вчерашние штабные служащие надели сегодня белые повязки и вместе с чехами пошли против красных.

Что же осталось после сдачи Казани от этого первого полевого штаба Восточного фронта? Ничего... Главком Вацетис с адъютантом и несколькими солдатами на пароходе приехали в Пермь. Начальник штаба фронта Майгур остался для работы в Свияжске. Член реввоенсовета Данишевский очутился в Вятке.

Помню еще один эпизод из этого периода. В Перми я получил приказ Наркомвоена отправить в Свияжск три аэроплана для перевозки ответственных лиц. Когда я пересмотрел весь список аэропланов и летчиков, то пришел к заключению, что не имею морального права отправлять кого бы то ни было, т. к. не было никакой гарантии, что аэропланы не перенесут Наркомвоена или Вацетиса в стан противника. У нас

уже было шесть случаев такого «перенесения» на сторону врага. Приказ остался невыполненным. Так, после двухкратной измены, кончил свое существование «первый высший орган управления войсками на Восточном фронте».

Но как ни печально кончил свое существование первый полевой штаб, идея необходимости оперативного руководящего органа на фронте осталась непоколебима. На развалинах умершего штаба вырос новый штаб Восточного фронта, сумевший взять дело в руки и достичь победы.

После создания Реввоенсовета Восточного фронта надо было сделать следующий логичный шаг. Жизнь диктовала неотлагательно создать мощный, авторитетный, законодательный и оперативный орган для действующих армий.

Эта необходимость тем более становилась очевидной, что внешний фронт разрастался. Советская Россия находилась в кольце врагов: на севере, юге и западе вырастали новые фронты. Вся страна должна была взяться за оружие.

2 сентября 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов объявил следующее постановление:

«Лицом к лицу с империалистическими хищниками, стремящимися задушить Советскую республику и растерзать ее труп на части, лицом к лицу с поднявшей желтое знамя измены российской буржуазией, предающей рабочую и крестьянскую страну шакалам иностранного империализма, Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет: Советская республика превращается в военный лагерь. Во главе всех фронтов и всех военных учреждений Республики ставится Революционный военный совет с одним главнокомандующим.

Все силы и средства Социалистической Республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников.

Все граждане независимо от занятий и возраста должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены Советской властью.

Поддержанная всем трудовым населением страны Рабочая и Крестьянская Красная Армия раздавит и отбросит империалистических хищников, попирающих почву Советской Республики.

Всероссийский ЦИК постановляет настоящее свое решение довести до самых широких рабочих и крестьянских масс, обязав все сельские, волостные и городские Советы, все советские учреждения вывесить его на видных местах...»

Главнокомандующим всеми фронтами этим же постановлением был назначен тов. Вацетис. 7 сентября он отдал в Арзамасе приказ:

«Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета я назначен Главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики. 7 сего сентября я вступил в должность.

Главнокомандующий Вацетис.
Революционный Военный Совет: Кобозев, Данишевский,
Смирнов».

Последствия и значение этого постановления в борьбе с врагами Советской власти — колоссальны. Возникновение Революционного военного совета Республики с одним главным командующим всеми вооруженными силами имело значение как в деле строительства Красной Армии, так и в смысле организации победы над врагами. До этого времени в центре всеми операциями ведал, но не управлял, оперед Наркомвоенна, теперь упраздненный за влитием его в РВС Республики. Другими отраслями ведали разные центральные управления, как-то: управление делами Наркомвоен, Всероссийский главный штаб, Военно-законодательный совет, Центральное управление снабжения. Главное военно-хозяйственное управление и Всероссийское бюро военных комиссаров, не имевшие горизонтальной связи и одного плана работы. От этого страдало дело на местах, где было еще тяжелее работать, не зная куда, к кому и в каком порядке обращаться. Не было выработано и плана формирования боевых единиц Красной Армии в общереспубликанском масштабе.

Говорить об узости плана, выработанного Высшим военным советом, не приходится, так как он совершенно не соответствовал требованиям времени и не мог удовлетворить никого, кто только видел, что Советской России предстояла борьба не на жизнь, а на смерть.

Организация дела вооружения и формирования сил Республики быстро подвигалась вперед. К 15 мая 1919 г. эту работу можно было считать в основных чертах законченной...

Не могу не остановиться на первом приказе нового главного командующего, в котором, с одной стороны, звучит его программная речь, а с другой — подчеркивается отношение к делу нижестоящих начальников. Приведу этот приказ целиком:

«Приказ

всем вооруженным силам Российской Республики
7-го сентября 1918 года. Гор. Арзамас. № 1

По постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета я принял командование над всеми вооруженными силами Российской Республики, обещая приложить все усилия на защиту от окружающих ее со всех сторон врагов. Всякий понимает, что я взял на себя трудную задачу, и я сам также сознаю, что эта задача крайне трудная и сложная. Но в то же время я верю и надеюсь, что при помощи всей Рабоче-Крестьянской Красной Армии и всех истинно-революционных сил страны мне удастся честно и добросовестно выполнить эту задачу, сокрушив обнаглевшего врага, и прочно закрепить права бедняка и рабочего. Ныне все сознали, что казавшееся в мае месяце выступление чехословаков ничтожным теперь разгорелось огромным пожаром восстания различных контрреволюционеров и окружило нашу страну тесным кольцом многочисленных отрядов белогвардейцев и изменников. Как голодные шакалы, эти отряды набрасываются на нас со всех сторон, и борьба с ними, постепенно разрастаясь, превратилась в борьбу не на жизнь, а на смерть,

ибо кто-нибудь из нас должен погибнуть. Или мы, или они. Я твердо верю, что выйдем победителями мы, ибо мы боремся за святую идею — за право бедного ближнего, за справедливость на земле, и эта справедливость должна восторжествовать над рабством и эксплуатацией. Но, нося в себе эту твердую веру, я не могу, к глубокому огорчению, того же сказать про своих ближних помощников, которым поручено руководство войсковыми соединениями, даны ответственные посты. Не говорю про всех, но некоторые из них не прониклись еще сознанием той великой идеи, за которую сейчас проливает свою кровь каждый искренний революционер, любящий своего ближнего. Некоторые вместо того, чтобы ободрить вверенные им войска, вселить в них веру в правоту нашего дела и с этой верой двигать их к победе, сами страдают малодушием и теряют присутствие духа в трудный момент. Сплошь и рядом стали встречаться в телеграммах выражения: «слагаю с себя ответственность за последствия», «не отвечаю» и другие подобные фразы. Бывают случаи угрозы сложить с себя ответственность в такой обстановке, когда эту ответственность не на кого возложить или когда сложение этой ответственности влечет за собой полный развал дела и непоправимый вред. Разбирая несколько раз обстановку, побудившую некоторых лиц написать подобные фразы, я приходил к печальному заключению, что вовсе не обстановка виновата в этом, а малодушие. И теперь, принимая командование всеми вооруженными силами Российской Республики, я невольно должен обратить внимание всего состава нашей Красной Армии на это печальное явление, на появление у некоторых малодушия и растерянности и в то же время обратиться ко всем начальникам и подчиненным со следующими словами:

Не время, не место такому пагубному явлению в наших рядах. Вспомните, за какое великое дело мы бьемся и какие лозунги несем на наших знаменах. Вспомните старый гнет и те потоки слез и крови, которые были пролиты бедным людом, и пусть при мысли об этом ваше малодушие исчезнет и вместо него зародится в сердце жестокая ненависть к врагам класса бедноты. Пусть те великие идеи, из-за которых льется ныне кровь искреннего революционера, поднимут упавший ваш дух и вселят в вас твердую веру в нашу победу. Отбросьте растерянность, возьмите в руки вверенные вам войска, вдохните в их ряды революционный дух, бросайтесь с ними на врага с твердым решением победить его, и победа будет на нашей стороне. Помните, что революция возвышает только храбрых и достойных, малодушных безжалостно уничтожает, как ненужную вещь. Да не случится же такого унижения в наших рядах, ибо ему нет места в рядах революционной армии. Солдаты Красной Армии! Вы сражаетесь и побеждаете для себя и для трудового народа. Ваша победа пронесется по всей земле очищающим пламенем. По всем углам мировой гнили ваша победа внесет радость в хижину бедняков и трепет в богатые дома дармоедов. Трудовой народ получит лишнее доказательство, что он сила на земле и что его обижали и обездоливали и светом, и теплом, и науками только потому, что он не был организован. Он был обезоружен захватившей власть кучкой помещиков, бюрократов и спекулянтов. Трудовой народ многочисленнее всех прочих классов. Трудового народа у нас почти 100 миллионов и вы, солдаты Красной Армии, вашей победой бросите согревающий луч солнца свободы в эту стомиллионную армию труда. Если же вы окажетесь недостаточно храбрыми, если вы будете плохо подготовлены к бою, восторжествует враг. Подумайте, что принесет трудовому народу ваше поражение. После вашего поражения трудовой народ не сохранит ни одного из приобретений революции. Он потеряет свободу и снова будет рабом богачей и спекулянтов. Он будет снова разрознен, одинок и беден, и у него останутся только глаза для горьких слез о потерянной свободе. Все члены Красной Армии должны проникнуться сознанием великой идеи настоящей борьбы и в ближайшие же дни двинуться

дружно к блестящим победам на историческую славу нашей, хотя и молодой, но крепкой революционным духом Советской Республики. И пусть эти победы еще более укрепят ее дух и дадут силы и возможность здравствовать и процветать многие годы.

Главкомандующий всеми вооруженными силами
Российской Республики генерального штаба

Вацетис.

Члены Революционного Военного Совета:

Данишевский

Смирнов.

Начальник штаба Генерального штаба

Майгур».

Конечно, в приказе далеко не упомянуты все дефекты нашего командования, но Реввоенсовет Республики самыми крутыми мерами искоренил расхлябанность и неорганизованность, научил всех ценить и знать значение боевого приказа и неуклонно соблюдать установленные порядки.

Наша молодая Красная Армия встала на ноги, как могучий богатырь, и пошла вперед твердым уверенным шагом, преодолевая на пути все препятствия.

Число членов Реввоенсовета Республики не было указано точно, так что одно время, если не ошибаюсь, в него входило до десяти членов. Работали фактически, однако, председатель, главком и один-два члена. Конечно, такое положение дела ничем не вызывалось. В полном своем составе Реввоенсовет Республики ни разу не собирался, в чем также не было надобности.

В прошлом году многочисленный состав Реввоенсовета Республики был упразднен с оставлением только его фактических работников.

30 ноября 1918 года последовало постановление ВЦИК об учреждении верховного органа военного управления — Совета рабоче-крестьянской обороны под председательством председателя Совета Народных Комиссаров товарища Ленина. Этот орган решает окончательно вопросы, касающиеся обороны Республики. Его созданием завершена основная работа по управлению вооруженными силами снизу доверху, причем соблюдены строгая система и однообразие. Создание Совета обороны Республики вызвано было не теоретическими соображениями, а той же жизненной необходимостью. С 11 сентября в Республике существовало три фронта — Северный, Восточный и Южный. Был и так называемый Западный район обороны, впоследствии Западный фронт. Из них почти окончательно определились в смысле организации Восточный и отчасти Южный фронты. Все остальные находились еще в зародыше, но они прошли свой путь уже несравненно легче, руководствуясь опытом.

Им не пришлось уже брести ощупью, искать новые формы, выдумывать положения, а только дополнять, изменять и совершенствовать созданные аппараты. Эта работа продолжается и по сей час как на фронтах, так и в центре. Наш военный аппарат совершенствуется и кристаллизуется, хотя, конечно, есть и теперь дефекты. Многие учреждения стали тяжеловесны, потеряли свою гибкость, эластичность и революционную творческую силу, но все это с течением времени исчезнет и сгладится. Река жизни течет безостановочно, углубляя и очищая свое русло. Мы начали строить Красную Армию с низов и закончили верхами, в течение двух кратких лет — мгновений времени — достигнув неоценимых результатов. Мы выковали свою армию на наковальне войны.

Мы победили 3/4 своих врагов. Разбиты банды Колчака и Юденича, сломлен Деникин и та же участь ждет польских панов, осмелившихся напасть на Советскую Республику.

Нельзя обойти молчанием вопрос о создании 3 мая 1918 г. Всероссийского Главного штаба взамен Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии. Ход событий и сама работа показала, что вся тяжесть работы заключается не только в формировании частей Красной Армии и подготовке их для боя, но еще главным образом в создании на местах военно-административных органов, которые должны были произвести учет людей, лошадей и всего военного имущества и заботиться об их охране и т. д. Существующие до сих пор военные отделы при исполкомах с этой работой не могли справиться, не могли иметь единства действий и строгого централизма. Все это должен был взять на себя Всероссийский Главный штаб со своими военно-административными аппаратами: окружными, губернскими, уездными и волостными военкоматами — органами чисто военными и независимыми от местных гражданских органов. И должен сказать, что в течение двух лет в военно-административной области произведена колоссальная работа. Конечно, в этом направлении было меньше творчества, меньше коснулась рука революционера-реформатора, а больше всего занимались копированием старого. Много уже, как в самом Всероглавштабе, так и в округах и т. д. отжило свой век и требует реформы. Как на один из отживших атрибутов могу указать на мертвые окружные совещания, пользующиеся решающим голосом и голосующие за каждый пустяк, за старую пулеметную ленту, за поломанную винтовку. Несколько раз мне пришлось присутствовать на этих совещаниях, и должен сказать, что это бесцельная трата времени, лишний тормоз в самой работе. Это скорее напоминает заседание коллегии сенаторов, нежели военную работу. Мог бы привести целый ряд организационных дефектов помимо Всеро-

главштаба, но не здесь этому место, и я уверен, что жизнь коснется этого и скоро будут внесены существенные коррективы. И чем скорее, тем лучше для дальнейшего развития Красной Армии и нашего военного дела.

Не буду здесь касаться всех разных Главных управлений и учреждений военного ведомства и тех путей, по которым они шли, и тех этапов развития, которых они достигли. Они тесно связаны с основными руководящими военными органами и всецело зависят от них. Но и в них много бюрократизма, канцелярщины, которые тормозят правое дело. Все они укладываются так или иначе в общей схеме военного механизма. Зато чрезвычайно почти до последнего времени, даже и теперь, организационно запутан вопрос снабжения Красной Армии со всеми снабженческими аппаратами. Насколько везде параллелизм и двойственность подчинения уже устранены, настолько в снабжении этот вопрос чрезвычайно запутан. С одной стороны начальник снабжения армии, с другой Чусоснабарм. С одной стороны за все несет и должен нести ответственность Реввоенсовет и начснаб, с другой, говорят — это не ваше дело. И сколько было на этом основании на местах неприятностей, трений, споров и всего, чего хотите. В одном и том же деле работают два громоздких аппарата начснабарма и Чусоснабарма, один подчинен командованию, другой нет. Каждый по-своему смотрит на дело, каждый по-своему оценивает нужды солдата, — один командующий фронтом, другой рядом, на правах командующего фронтом. Простому смертному трудно тут разобраться, кто прав, кто виноват, кто действительно должен командовать. Только недавно приказом РВСР внесено больше ясности и определенности в это дело. Но этого мало. Вопрос требует дальнейшего своего развития, требует коренной реорганизации Чусоснабарма и его аппарата. Двойственности и параллелизма в военном деле не должно быть. В военном деле должен быть один хозяин, а не много. Не доверяете — можно убрать. Доверяете — дайте задачу, но дайте и права и возможность задачу исполнить. Без этого работать нельзя. Этот вопрос в нашей военной печати должен быть рассмотрен и законодательным путем все недостатки устранены. Это ближайшая практическая задача. Конечно, чрезвычайными уполномоченными по снабжению Красной Армии сделано очень много.

Они помогли учесть то интендантское обмундирование, обувь и обоз, которые в том или ином виде находились, разбросанными по разным ведомствам, и обратить на нужды армии, но все же это временная мера, а по существу за Чусоснабармом должны сохраниться только заготовительные функции по заданиям РВС Республики. К этому должен быть приспособлен его аппарат. От этого будет и ясность, и определенность,

и существенный выигрыш для организации скорейшей победы над врагами пролетариата. В смысле снабжения продовольствием и соответствующими аппаратами вопрос обстоит с военной точки зрения несравненно лучше и в своем дальнейшем развитии наверно будут устранены и существующие еще дефекты. Наркомпрод в этом отношении более правильно понял военную работу и сумел согласовать свои аппараты с аппаратами военного ведомства — создать единство в работе. Но и здесь в одно время было чрезвычайно много трений и недоразумений. Но нет огня без дыма. И в этом направлении мы должны были пройти долгий тернистый путь искания, пока; хотя и в общих чертах, были поставлены вехи для дальнейшей работы.

Понятно, что все разные трения и недоразумения, а также и своеобразные организационные методы в деле военного снабжения возникают не из злой воли, не с целью властвовать, а главным образом из-за недостатка материальных ресурсов для снабжения Красной Армии, из-за недостаточной организованности заготовительных аппаратов и т. д. Старая империалистическая война исчерпала все ресурсы страны, бесшабашное хозяйничанье разрушило и транспорт и промышленные предприятия. Голод и нужда повсюду и везде. Все нуждаются в одинаковой мере, и здесь действительно надо уметь учесть все, чтобы правильно использовать имеющиеся и заготавливаемые средства. Но несомненно одно, что и из этого положения мы выйдем победителями. Хозяйственная жизнь страны, хотя и медленно, оживает, входит в свою колею и вместе с тем все прочнее и мощнее становится наша Красная Армия, давая нам новые победы над врагами. Но борьба далеко еще не закончена, и вместе с тем не закончено и само строительство Красной Армии и ее усовершенствования во всех отношениях.

Мы все знаем, что на место Красной Армии станет милиционная армия, но увлекаться теперь преждевременно, и это может чрезвычайно вредно отразиться на нашей военной мощи. И, по-моему, совершенно неуместны и неосновательны нападки на наших военных товарищей со стороны ярых и горячих защитников милиционной системы в соответствующей печати. Правильно, что многие военные к милиционной системе относятся с большой осторожностью и даже недоверием, но этим ничуть еще не сказано, что они враги новой системы, совсем нет. Я помню, что почти такое же отношение военных было и к переходу действующих армий или частей на трудовую работу. И здесь была также сдержанность и осторожность. И здесь ставился вопрос: не развалятся ли части, не потеряют ли они свою боеспособность, спайку и дисциплину? Эти вопросы вызваны были не тем, что не желали помочь побороть

хозяйственную разруху страны, но тем, что не миновала еще опасность нападения врага извне, не закончена была еще наша борьба на фронте. И эта осторожность, как теперь доказывает польское наступление, была своевременна и уместна. Красноармейские части, привлеченные к трудовому процессу, сохранили свою специфическую военную организацию, сохранили свои аппараты, а вместе с тем и свою боевую дисциплину и спайку. И как только настал момент, трудполки снова взялись за винтовки и пулеметы и шли снова в бой. По словам военного командования, боеспособность трудполков ничуть не пала, а даже, наоборот, повысилась. Знания красноармейцев еще более кристаллизовались от соприкосновения за время работы с фабричными рабочими, они видели все невзгоды их, видели улучшение хозяйственной жизни и еще резче поняли, что польское наступление принесет вред только рабочим и крестьянам и что наступление врага должно быть ликвидировано и враг должен быть разбит наголову. Ни на минуту не сомневаюсь в том, что милиционная армия будет следующим этапом в строительстве нашей военной силы. Это логичный ход вещей, это можно считать за аксиому. Весь вопрос только во времени, которое определяется ходом событий международного масштаба. Всякий натиск внешних врагов усилит и усовершенствует нашу Красную Армию, но вместе с тем он должен усилить и всю подготовительную работу по переходу к милиционной системе. Эта подготовительная работа фактически началась почти одновременно с созданием Красной Армии. Основы милиционной системы по существу в Советской Республике были положены следующим декретом от 22 апреля 1918 г.

Декрет об обязательном обучении военному искусству,

принятый в заседании Всероссийского Центрального
Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских
и казачьих депутатов от 22 апреля 1918 г.

Социализм имеет одной из своих основных задач освобождение человечества от бремени милитаризма и от варварства и кровавых столкновений между народами. Целью социализма является всеобщее разоружение, вечный мир и братское сотрудничество всех народов, населяющих землю.

Эта цель будет осуществлена, когда во всех могущественных капиталистических странах власть перейдет в руки рабочего класса, который вырвет из рук эксплуататоров средства производства, передаст их в общее пользование всех трудящихся и установит коммунистический строй, как незыблемую основу солидарности всего человечества.

В настоящее время государственная власть принадлежит рабочему классу только в России. Во всех остальных странах у власти стоит империалистическая буржуазия. Ее политика направлена на подавление коммунистической революции и закабаление всех слабых народов. Российская

Советская Республика, окруженная со всех сторон врагами, должна создать свою могущественную армию, под защитой которой будут совершаться коммунистические преобразования общественного строя страны.

Рабочее и Крестьянское правительство республики ставит своей непосредственной задачей привлечение всех граждан ко всеобщей трудовой и воинской повинности. Эта работа наталкивается на упорное сопротивление буржуазии, которая не хочет отказаться от своих экономических привилегий и путем заговоров, восстаний и предательских сделок с чужеземными империалистами пытается вернуть себе государственную власть.

Вооружать буржуазию значило бы вносить непрерывную междоусобицу внутри армии и тем парализовать ее силу в борьбе против внешних врагов. Паразитические и эксплуататорские элементы общества, которые не хотят принимать на себя равных с другими обязанностей и прав, не могут быть допущены ко владению оружием. Рабочее и Крестьянское правительство ищет пути к тому, чтобы возложить на буржуазию, в той или другой форме, часть бремени по защите Республики, которую преступления имущих классов ввергли в тягчайшее испытание и бедствие. Но обучение военному делу и вооружение народа в ближайшую переходную эпоху будут распространены только на рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян.

Граждане в возрасте от 18 до 40 лет, прошедшие курс обязательного военного обучения, будут взяты на учет, как военнообязанные. По первому призыву Рабочего и Крестьянского правительства они обязаны будут стать под ружье и пополнить кадры Красной Армии, состоящие из наиболее преданных и самоотверженных борцов за свободу и независимость Российской Советской Республики и за международную социалистическую революцию.

1. Обязательному обучению подлежат граждане Российской Советской Федеративной Республики в возрасте:

1) школьном, низшая ступень которого определяется Народным комиссариатом просвещения, 2) подготовительном от 16 до 18 лет и 3) призывном от 18 до 40 лет.

Гражданки обучаются, по их соглашению, на общих основаниях.

Примечание. Лица, религиозные убеждения которых не допускают применения оружия, привлекаются к обучению лишь обязанностям, не связанным с употреблением оружия.

2. Обучение подготовительного и призывного возрастов возлагается на Народный комиссариат по военным делам; школьного — на Народный комиссариат просвещения при ближайшем участии Народного комиссариата по военным делам.

3. К обучению привлекаются рабочие, работающие на заводах, на фабриках, в мастерских, экономиях, деревнях, и крестьяне, не эксплуатирующие чужого труда.

4. Организацией обязательного обучения военному делу на местах должны вести военные комиссариаты (окружные, губернские, уездные и волостные).

5. Обучающиеся не получают никакого вознаграждения за время, посвященное обязательному обучению; обучение должно быть организовано так, чтобы по возможности не отрывать призываемых в период обучения от их постоянной нормальной работы.

6. Обучение должно производиться непрерывно в течение восьми недель, не менее двенадцати часов в неделю. Срок обучения специальных родов войск и порядок повторных призывов будет определен особым положением.

7. Лица, проходившие раньше обучение в рядах регулярных армий, могут быть освобождены от обучения их после производства или соответствующего испытания, в чем им на общем основании должны быть выданы соответствующие удостоверения, как лицам, прошедшим курс обязательного обучения.

8. Обучение должно производиться подготовленными инструкторами по утвержденной Народным комиссариатом по военным делам программе.

9. Уклоняющиеся от обязательного обучения и небрежно относящиеся к исполнению своих обязанностей по всеобщему обучению привлекаются к ответственности.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета

Я. Свердлов.

Секретарь В. Аванесов*.

Я нарочно привел полностью весь декрет и подчеркиваю его значение и в данный момент, так как мы в течение этого короткого периода времени, в силу условий, в силу того, что мы были все время заняты борьбой с внешним врагом, строительству Красной Армии не могли достаточно уделить времени и сил для организации всеобщего военного обучения. Но этим не сказано, что перед нами не стоит та задача, которая поставлена декретом. Именно теперь она более важна, чем когда-либо, и не только потому, что мы вплотную подошли к вражеским силам западноевропейских капиталистических стран, но и потому, что всеобщее обучение фактически должно подготовить всю работу по переходу к милиционной армии. Чрезвычайно характерным и в принципе правильным является приказ по Петроградскому военному округу еще от 31 октября 1918 г. за № 20:

«Всеобщее обучение трудящихся военному делу — залог победы рабочего класса. Только вооруженные кадры рабочих смогут удержать власть в своих руках. Красная Армия — этот авангард вооруженных — выполняет сейчас великую задачу. Красная Армия сдерживает натиск мирового империализма, бешеные атаки черного интернационала до тех пор, пока главные силы, пока пролетарии всех стран не развернутся в боевой порядок, не приведут себя в боевую готовность. Но для выполнения этой неслыханной в истории человечества задачи Красной Армии необходима могучая поддержка, могучая опора, могучие резервы. Эти многочисленные резервы, готовые ей прийти на помощь, на смену, дает всеобщее обучение трудящихся военному делу. Постепенно, шаг за шагом, день за днем, не отрываясь от родного дела, производительного труда, революционного строительства, труженики начинают все крепче и крепче, все увереннее держать винтовки в своих мозолистых руках, день за днем их

* Декреты Советской власти. Т. 2. М., Госполитиздат, 1959, стр. 151—153.— *Ред.*

познания увеличиваются и, наконец, они готовы с своими братьями слиться в одну общую семью вооруженного народа. Мы отдаем все наши силы и знания Красной Армии, отдавши всю нашу революционную энергию и мощь ее резервам — всеобщему военному обучению...

Петроградский окружной военный
комиссар Позерн.

Военный руководитель Кирьянов».

И надо сказать, что Петроград и в этом отношении пошел в первых рядах и на деле показал то, что твердил на словах. В течение двухлетней борьбы Петроград непрерывно выделял новых и новых бойцов на все фронты. И не только один полк Всевобуча теперь борется на нашем фронте, где он влился в основные части Красной Армии и стал настоящим полком ее. Не один только инструктор Всевобуча занимает в рядах Красной Армии командные посты — нет, их много. К моменту выступления Колчака Всевобуч мобилизовал почти весь свой годный к строю инструкторский состав и дал на фронт свыше трех дивизий московских рабочих, две бригады питерских рабочих, 7 развернутых полков Поволжья, 25 полков других губерний и в районе Западного фронта 5 полков — итого 61 полк. Это — солидная сила, брошенная на фронт и ускорившая нашу победу на Восточном фронте. В своей работе Всевобуч встречает много независимых от него препятствий, да и путь этот новый, ведущий по неизведанной области и потому, естественно, есть много ошибок, много неудач, но тем не менее результаты двухлетней работы чувствительны. Теперь мы имеем не только один терполк, а много, и впервые эти полки организованы Московским горвоенкомом 23 мая 1918 г., который поручил каждому району, фабрике формировать рабочие роты, батальоны и полки, т. е. практически, по-военному оформить пункт 3 декрета. Этот шаг был переходом от многословия к делу, теории — к практике, и он дал первые результаты, дальнейший импульс к практическому разрешению чрезвычайно сложной задачи. Одно чрезвычайно ценно — это уделение особого внимания со стороны Всевобуча вопросу о допризывной подготовке школьного и подготовительного возрастов. Это не только физически необходимо для юношества, но благодаря этому уже с молодости гражданин Советской Республики начинает серьезно относиться к вопросам обороны страны, приучает военное дело приблизить к своему труду, к своей повседневной жизни. Вместе с тем казарменное обучение военному делу отойдет в область предания и теперешние казармы будут пригодны для проверочных сборов или высших военно-политических школ. Конечно, теперь трудно даже в общих чертах все предвидеть и предсказать, но сама практика

покажет наши ошибки и осуществит на деле милиционную армию. Труд, просвещение и военное дело должны быть тесно связаны между собой, составлять одно неделимое целое. К этому мы идем независимо от всех условий. Наша борьба на внешнем фронте может отсрочить демобилизацию Красной Армии, но она не может уничтожить идею создания милиционной армии. Это дальнейший этап нашего военного строительства.

На одно я только должен указать — это на оторванность теперешних работников Всевобуча от Красной Армии и недостаточное использование опыта Красной Армии во всех отношениях. В течение двух лет в деле формирования и обучения Красной Армии мы имеем колоссальный опыт, даже выработались новые методы и т. д. Все это должно быть учтено, использовано и теперь же между Красной Армией и Всевобучем должна быть установлена более тесная связь во всех отношениях. Это принесет всемерно пользу в работе Всевобуча, кристаллизует методы работы. При создании милиционной армии мы должны раз навсегда помнить, что милиционная армия ничуть не является импровизированной армией. Нет, на создание милиционной армии мы должны смотреть как на великое дело пролетариата, требующее колоссального труда, гениальности, времени и настойчивой долгой упорной подготовки и работы, которая будет осуществлена при напряжении всех сил страны, но зато и для страны она принесет чрезвычайно много выгод. Должны и наши военные товарищи из Красной Армии больше на это обратить внимание, а не жить только своею жизнью, и нельзя думать, что до милиционной армии еще далеко. Но одно, что требуется — это твердая прилежная воля в деле милиционной армии.

Военное дело требует определенности и ясности, только тогда оно живет, только тогда можно ожидать положительных результатов. Опыт строительства Красной Армии показал, что, несмотря на все бури, крики и шум, поднятые по поводу нашей военной политики, по поводу привлечения военных специалистов в Красную Армию и т. д., руководство военного ведомства осталось право. Оно железной рукой провело намеченную военную политику, не боясь угроз, что снова «ожидает разрушенный Карфаген», не боясь измен бывших офицеров и т. д. Если же и были ошибки и недостатки, то это совершенно незаметно в общем ходе событий; ведь не ошибается только тот, кто ничего не делает. Победы Красной Армии на всех фронтах — лучшее доказательство правильности военной политики. Кончая этот краткий очерк об этапах нашего военного строительства, я должен извиниться перед читателем, что много важного пропущено, а на многом второстепенном я останавливался более подробно. Это происходило потому, что я не имею доста-

точно материалов и еще меньше имею времени. Тем не менее, хотелось зафиксировать то, что сделано с таким тяжелым трудом при невероятно тяжелых условиях работы. Но достигнутыми результатами мы можем гордиться перед всем миром. Достигнутое заставляет нас еще усиленнее работать, еще увереннее идти вперед по намеченному пути, зная, что он приведет нас к победе, зная, что Красная Армия превратится в вооруженный коммунистический народ — классовую милиционную армию. Теперь же мы должны, с одной стороны, продолжать совершенствовать нашу армию, а с другой — усиленно работать по всеобщему военному обучению. Борьба еще не закончена, победа над врагами еще не достигнута, и для организации этой победы теперь мы должны отдать все свои силы, всю свою энергию. Только тогда мы осуществим в действительности великие заветы великой пролетарской революции.

Харьков, 20 июня 1920 г.

*«Революционный фронт» (Харьков), 1920,
№ 2, 5, 6. Работа была переиздана в том
же году в Харькове отдельной брошюрой
под тем же названием.*